

СВЕТЛЯЧОК

15.04.2016

№ 4 (61). Апрель 2016 года

• После зимнего наркоза

**Наталья Шабанова,
Андреаполь**

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Снег лучится, снег искрится,
А на ветках – снегири.
Потянулись вереницей
Золотые стайки-дни.
Воздух пряный, воздух свежий,
А на улице зима.
Но случится неизбежно
Скоро оттепель сама.
И капели, и капели,
Как свирели, зазвенят,
И ползучие метели
Ручейками зашумят.
К нам весна, весна стучится:
Солнце льёт свои лучи.
А на пашне вереницей
Гордо шествуют грачи!

Елена Дувакина,

**Осташков
БЕРЁЗА**

После зимнего наркоза
Просыпается берёза,
Щупальцами тонких веток
Постигая тайны дня.
Память, пробежав по кроне,
Слой колец годичных тронет,
Всё, что было, всё, что будет,
Вспыхнет с яркостью огня:
Троица, начало лета,
Хруст ломающихся веток,
Боль, но ожиданье чуда
И мерцающих свечей...
Ожидание обманет,
Это – веники для бани:
Пар, расплывчатые тени,
Запах мокрых кирпичей...
В просветлённости осенней
Отряхнись от потрясений,
В крепких ветках блеск металла,
В листьях золото и медь,
С извивающейся кроной
Стань Медузою-Горгоной,
Чтоб жестоким, злым и тёмным
Путь один – остолбенеть.

Игорь Столяров,

Нелидово

Пока текла предзимняя хандра,
Я приютился мёрзнушим побегом,
Терзаемым то ливнями, то снегом,
На грани между завтра и вчера.
В темнице грусти споря сам с собой,

Я не заметил, что ушли метели;
Что во дворе сугробы размлели,
Едва капель сыграла им отбой;
Не видел, как, частя коротконога,
Февраль протопал, сгорблен и кургуз...
Нести на сердце осень – тяжкий груз,
Когда весна – у самого порога...

Татьяна Головкина (Булкина),

**Андреаполь – Калязин
ОТКРОВЕНИЕ**

Мне семнадцать. И все прекрасно!
Как же я была влюблена!
Только все это было напрасно,
И весна стала мне не весна.
Не для нас зазвенели капели,
Не для нас распустилась сирень...
Не для нас укрепили качели
В тот весенний солнечный день.
Мне казалось, что ты вдруг вернешься,
Мне казалось: иначе нельзя!
И ладонью лица коснешься,
И просохнет разлуки слеза.
Я мечтала: ты мне напишешь,
Все ждала от тебя письма...
Все молила: а вдруг ты услышишь!
И тебе не писала сама.
Все прошло. Пролетели годочки.
Приутихла обида моя...

Елизавета Линкевич,

Андреаполь – Тверь

* * *

Вы когда-нибудь пускали кораблик
Под дождём и по стремительным лужам?
Из бумаги паруса вдруг ослабли,
Видно, чем-то мой корабль перегружен.

Верно, в спешке не доделала что-то.
Может, письма не отправила кому-то?..
А за это мне – крушение флота,
Утонуть ведь может каждую минуту!

Ты не рвись так быстро, милый, не надо!..
Волны круче и теченье опасней.
Вкус свободы только с виду так сладок,
Сохрани-ка лучше крепкими снасти.

Под дождём тебя, кораблик, не брошу.
Ты плыви, мой дорогой, сколько сможешь.
Мы с тобою устоим, мой хороший,
Там глядишь, и остановится дождик.

Что-то руки на ветру так озябли,
Но теперь уже не будет нам хуже.
Важно, чтоб преодолел всё кораблик
Под дождём и на стремительных лужах.

ЁК-МОТЫЛЁК

(из книги «На картах не значит»)»

Ноябрь 89-го выдался в Орловке суровым. Месяц ещё только начался, а на улице уже злодействовали тридцатиградусные морозы.

Я, вернувшись с ночного дежурства, обнаружил, что в доме нет хлеба, и, захватив авоську, отправился в магазин. Возле хлебных полок я встретил капитана Р.

Капитану Р. только что пришла замена в Венгрию. Замена задержалась. Все заменщики отправились к своим новым местам службы ещё летом, а Р. просидел в Орловке аж до ноября – где-то в «кадрах» затерялось его личное дело. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Личное дело в конце концов нашлось, бюрократические колёса закрутились, и капитан Р. был направлен в Южную группу войск.

Встреченный мной в магазине Р. сиял и чуть ли не подпрыгивал от радости: ещё бы, возле его подъезда стоял уже наполовину собранный контейнер, вещи были уже почти все упакованы, жена с детьми отправлены на «большую землю» к родителям, и спустя два-три дня Орловка станет для него лишь воспоминанием.

– А ты чего не на работе? – после взаимных приветствий спросил меня Р.

Я ответил, что сменился с ночного дежурства.

– Ёк-мотылёк! Так ты сегодня свободен! – обрадовался Р. – Слушай, помоги мне тогда антенну с крыши снять...

Дело в том, что ближайшая к Орловке телевизионная вышка находилась в пятидесяти километрах – в Белогорске и, чтобы получить устойчивый сигнал, жители гарнизона вынуждены были выносить свои приёмные антенны как можно выше – на крыши пятиэтажек, да плюс к тому ещё и поднимать их над крышей на высоких шестах...

– Да без проблем! – согласился я. – Вот только хлеб домой занесу...

Минут через пятнадцать я уже стоял возле квартиры Р.

– Ну что, пошли? – спросил я открывшего дверь хозяина.

– Да ты что! – возмутился тот. – Как можно?! На сухую-то...

– А что? – не понял я.

– Ну, как же! – искренне удивился он. – Ведь – крыша! Пятый этаж! Скользко! Перила хлипкие! Минус тридцать!

– А-а... – понял я. – Так что, по чепеточке?

– По чепеточке! – радостно согласился хозяин и потянул меня через порог за рукав. – Давай заходи, раздевайся...

Мы прошли на кухню. На столе была собрана немудрёная закуска, рядом, на подоконнике, стояла изрядно початая пятилитровая канистра спирта.

Налили по первой. Пошло хорошо. Сразу же налили по второй. Пошло ещё лучше. Закусили и налили по третьей...

Спустя часа два, когда жизнь окончательно наладилась, когда души наши развернулись вширь, а уровень спирта в канистре упал на четыре пальца, я вдруг вспомнил о цели своего визита.

– Слушай, – сказал я. – А как же антенна?

– Ох, ёк-мотылёк! Точно! – спохватился Р. – А я-то думаю: что-то ведь надо было срочно сделать!

Мы выпили ещё по одной – «на дорожку», оделись и, захватив инструмент, поднялись на чердак, откуда, не без труда открыв примёрзшее к раме слуховое окно, выбрались на крышу.

На крыше было по щиколотку снега и дул плотный пронизывающий ветер.

– Хорошо, что мы заправились! – придерживаясь за стылый металл перил, подмигнул мне Р. – нам сейчас никакой холод не страшен!

– Ага! – поднимая воротник, согласился я.

Мы пробрались на край крыши, густо утыканной шестами с антеннами.

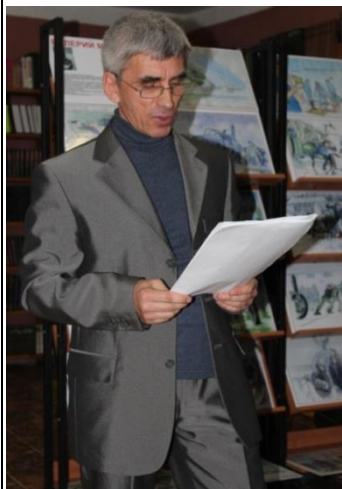
– Вот она! – безошибочно нашёл в этом частоколе свою антенну Р.

– Не пугаешь?

– Ещё чего! – обиделся Р. – Что я, свою антенну не узнаю?! Тем более она у меня приметная: на ней контакты двумя видами изоленты замотаны – чёрной и синей... Да вот же – смотри!

Я посмотрел и убедился – действительно две разноцветных изоленты. С трудом перепилили толстый сосновый шест и аккуратно уложили тяжеленную мачту на покрытый снегом скат крыши. Раскрутив проволоку, сняли с шеста неуклюжую многоногую антенну.

(продолжение на стр.3)

(начало на стр.2)

– Разматывать? – показывая на изоленту, спросил я хозяина.

– Не надо, – остановил он меня. – Там всё хорошо запаяно – жалко нарушать. Мы её сейчас целиком вниз спустим, и я её так, не разбирая, вместе с кабелем в контейнер запихну. У меня там места много. В Венгрии пригодится.

– А как мы её спустим? – поинтересовался я у хозяина. – В чердачное окно она ведь не пролезет.

– Не пролезет, – подтвердил он. – Я её, когда устанавливал, на крышу на верёвке поднимал.

– А верёвку взял?

– Нет, – сказал Р., с минуту он размышлял. – Да и фиг с ней! Вниз – не вверх. Скинем, да и вся недолга!

– Поломается, – усомнился я в предложенном плане.

– Ничего с ней не станет, – успокоил меня Р. – Погнётся разве что немного, ерунда – выправим.

Он по возможности устойчиво встал на краю крыши, и, поднатужившись, поднял со снега своё детище.

– Подожди! – остановил я его. – А ты кабель из телевизора вынул.

– Нет, – признался Р. и задумался; он стоял на самом краю обледенелой крыши, удерживая на весу трёхпудовую раскоряку-антенну, и покачивался – то ли от внутреннего движения алкоголя, то ли от гуляющих над крышей стремительных порывов ветра; хлипкое металлическое ограждение на краю крыши не доставало ему даже до колен. – Фигня! – наконец принял он волевое решение. – У меня ж четвёртый этаж: от окна до крыши метров пять, да ещё и шесть примерно столько же – до земли длины кабеля по-любому должно хватить... – и швырнул антенну вниз.

Я, упав на четвереньки, свесил голову за край крыши.

До земли длины кабеля почему-то не хватило. Летящая вниз антенна вдруг, как пойманный за хвост дракон, дёрнулась, резко пошла вбок и со всей дури – с грохотом и звоном – впечаталась в окно второго этажа.

– Пипец! – сказал я. – Сливай свет, туши воду!..

Оскальзываясь на крутых скатах, мы кинулись к чердачному окну...

Снизу, с улицы, картина катастрофы выглядела ещё ужасней. Тяжелющая антенна не только высадила все стёкла в окне, но и проломила обе рамы.

– Чья квартира? – поинтересовался я.

– Чубакина, – ответил убитый горем Р.

Я присвистнул – я знал, что Чубакин в отпуске вместе со всей семьёй, а стало быть, попасть в разорённую квартиру будет не так-то просто.

Поднявшись на второй этаж, мы принялись обзванивать соседей. Высунувшаяся на шум из двери напротив, соседка сказала, что Чубакины действительно уехали и что ключ от своей квартиры они никогда никому не оставляют.

Напомню, на улице было минус тридцать, а при такой температуре батареи отопления в комнате без окна оставалось жить считанные часы.

– Надо ломать дверь, – сказал я Р...

Замок в двери чубакинской квартиры оказался довольно мощным, и нам пришлось изрядно попотеть, чтобы с ним справиться.

Как оказалось, антенна выбила окно в кухне Чубакиных. Огромная железная конструкция, влетев в маленькое помещение кухни, натворила там примерно таких же делов, какие числятся за слоном, попавшим в посудную лавку. Досталось и шкафам, и столу, и посуде. Чудом уцелела люстра. Теперь она аккуратным красно-белым шаром неуместно висела над царившей под ней разрухой и тихо покачивалась от залетающих в окно порывов ледяного ветра.

– Нужны доски, нужна фанера, нужна пара матрасов, – оценил перспективу работ Р.

– Нужен новый замок на дверь, – напомнил я ему.

Р. вздохнул.

Я представил себе состояние хозяина квартиры, когда он, вернувшись из отпуска, обнаружит развороченную дверь, разгром на кухне и забитое досками и фанерой кухонное окно. Р. к тому времени, наверняка, будет уже в своей Венгрии. Отдуваться придётся мне.

Я вздохнул не менее тяжко, чем Р. Р. оглянулся.

– Почему же всё-таки кабеля до земли не хватило? – задал он более чем риторический вопрос.

Меня вдруг дёрнуло.

– Слушай! – окликнул я его. – Там же у тебя в квартире тоже, наверное, чёрт знает что творится! У тебя ж телевизор на столе стоял. Его ж вполне могло антенным кабелем на пол скинуть! Рывок-то какой был!

– Ёк-мотылёк! – воскликнул Р. – Этого мне ещё не хватало! Новый телевизор! – и, выскочив из квартиры Чубакиных, он помчался вверх по лестнице, прыгая через три ступеньки. Я поспешил за ним.

(продолжение на стр.4)

(начало на стр.2-3)

Телевизор в квартире Р. стоял на месте. Он даже не сдвинулся. Штырь антенного кабеля тоже находился в своём гнезде. Я проследил кабель до окна и обнаружил, что он последовательно проходит сквозь два просверленных в рамах отверстия и уже там, снаружи, тихо покачиваясь на ветру, уходит вертикально вверх.

Я повернулся к Р.

– Послушай, – как можно спокойнее спросил я, – а чью антенну мы с тобой спилили?..

Владимир Юринов

Нашему постоянному читателю известно, что недавно вышедшая книга В. Юринова «На картах не значится», отрывок из которой вы только что прочли, пользуется у читателя успехом. Вот лишь несколько откликов на её презентацию автором в разных городах:

«Прочитала от корки до корки. Смаковала каждое предложение. Давно не испытывала такого удовольствия от прочтения книги. Поздравляю!»

Наталья Иванова, Пено.

«Спасибо за Книгу, Владимир! Классно написано!»

Нина Шестакова, г. Бологое

• **Нам пишут**

О ПРОЧУТАННОМ

Листаю книжку Льва Новожёнова под заглавием "Сугубо личное, или искусство жить неправильно". Вы, наверное, знаете этого журналиста и телеведущего. Но я как-то его не запомнила. А сейчас вот открыла для себя. Есть одно местечко в его воспоминаниях, которое меня затронуло. Он пишет, что мама его не очень хотела и любила, потому что родила в 18 лет и была больше занята другими делами, нежели им. Ребёнок мешал. Однажды он полез к родителям в постель, и мать его оттолкнула ногой... был он ещё совсем маленьким, но вот это помнит очень хорошо. Вернее, то ощущение, которое он не смог тогда определить...

Вот и я вспомнила, как однажды в деревне (приезжали к бабушке в Бобровку) сидели на крыльце – мама, бабушка, тётя Аня. К нам подошли ещё люди и среди них маленькая девочка. И моя мать её похвалила, полюбиовалась и даже, кажется, обняла... И меня вдруг пронзило совершенно доселе незнакомое чувство. Я страдала. Потом, позже, поняла, что это была ревность. Но никогда не забуду то ужасное состояние заброшенности, отчужденности, обиды и ещё чего-то, что словами не высказать.

Посылаю небольшие отрывочки из высказываний Льва Новожёнова. Мне это близко.

«У нас во дворе никто не мечтал быть ни учителем, ни врачом, ни космонавтом. Все мечтали попасть в тюрьму. И надо сказать, многим удалось.»

В каждой семье все по-своему. Теперь уже я твердо знаю, что семейное благополучие - не в отсутствии проблем. А в умении решать их наименее болезненным образом.

Я изъездил Европу почти всю. Любопытства к загранице уже нет. Хочется назад, в Россию. Стало понятно, что и Россия больше, чем Россия. Что-то очень важное. Гораздо более важное.

И к своему возрасту надо относиться легко и с юмором?

— Тут уж куда не денешься, выбора-то нет. Но мне всегда нравились старые люди, старые книги, старые дома, старое кино... И все друзья старше меня. А теперь я сам оказался таким же. Я уже в 14 лет мечтал получать пенсию и быть пенсионером.»

Светлана Виноградова, Нелидово

• Но робко верю...

* * *

Я глух и нем в дожди и в град.
Я позывных не слышу,
Не жду ни песен, ни награды,
Ни даже знака свыше.

Укрыл безмолвия покров
Глазниц оконных впалость,
Где словно в мысли, плоть и кровь
Мне тишина впиталась.

Меня стирают лень и быт
В извечных словотрепках.
Я обезличен и забыт
В библиотечных стопках,

Но робко верю, что извне
Сквозь время, пыль и скуку
Ко мне читатель в тишине
Протянет все же руку.

Игорь Столяров

* * *

Сижу рифмую, луной обласкан.
На стиль немодный мой стих "натаскан".
Слова рождаются так неуклюжи.
Так неизящны, как горб верблюжий.
Но всё ж рифмую, пока не спится.
Хоть строчки эти мне пятой спицей
Нужны в колёсах моих тележных.
Сложить бы что-то о чувствах нежных.
О том, как выются в экстазе мошки,
Фонарь их манит, что над дорожкой.
Иль как стенают на крыше кошки,
Их страсти круче. Ну, что там мошки!
Как о поллитре сосед мой грезит,
Нет, эта тема не для "поэзий".
Луна яичным в окне желточком.
Какой я бездарь однако! Точка.

Светлана Большенкова

* * *

Не грохочут машины во мгле,
Одинокий сверчок не стрекочет.
Тишина. И ничто на земле
Не нарушит безмолвия ночи.
Не качнут свои веточки ивы.
Я одна до рассвета не сплю.
Вот заснуть бы, проснувшись счастливой
Мне в земном, не небесном раю.
Подпевали бы мне соловьи
Сладкозвучные песни на ушко.
Недопетые строчки мои
На листочках грустят под подушкой.

Наталья Иванова

* * *

Из-за этого вот вдохновения,
Наживая себе врагов,
Ты купалась в снегах наваждения
И, как будто, хотела его.
Никого ты тогда не насилвала,
И комкая свою тетрадь,
Всё хотела чего-то милого,
Отправлялась на облако спать.
Разве сердце твоё поругано?
Бог следил – да – порядок таков.
«Это брешь, – напевала вьюга нам, –
Горя нет в стране облаков».

Татьяна Ланко

* * *

Пара сленговых словечек
не нарушит гладкость речи,
ну куда сейчас без них.
Может быть, случится даже –
при таком вот эпатаже
расцветёт безликий стих.
И поэт современнейший
без улыбочки надменной
листанёт мою тетрадь.
Ну а мне какое дело,
Угодить я не хотела
молодым и оголтелым.
Но, признаюсь, их химеры,
ломаные их размеры
в кайф и мне, хоть им плевать.

*Маргарита Петрова***О ПРОШЛОМ**

Каждая неделя –
фрагмент.
Явь или сон не деля,
ставить акцент:
стать чем-то большим
в этот период.
Прошлым
не жить. До Твери от
Москвы не так далеко
и так нелегко
оставить, стереть
тот дом на "Горбатке".
Но впредь
не играю в прятки,
а разрываю нутро,
выпуская кишки,
И в ночь или утром
льются стишки
густым перламутром.

Артём Сидой

• Молодые голоса

Юлия Алексеева,**Андреаполь**

* * *

Солнце за лесом и уже темно,
Но печалиться нету повода.
Вот берёзы куст заглянул в окно:
Листья зелены, листья молоды.

Пролетел скворец. И ещё один.
Вот не спится им ночью летнею.
Так и мы с тобой в облаках летим,
Будто ночь проживая последнюю.

Утром я проснусь, посмотрю в окно
Небо чистое. Небо ясное.
Одну мелочь я поняла давно –
До чего же ты жизнь прекрасная!

СЧАСТЬЕ ЕСТЬ

Люблю я утро начинать с зарядки.
Проснуться рано. Мужа проводить.
Смотреть на сына, спящего в кроватке,
И Бога, про себя, благодарить.

Люблю готовить первое, второе,
Из яблок и из слив варить компот.
Осознавать, что всё во мне живое!
И улыбаться жизни во весь рот.

Мне нравятся семейные поездки:
Деревни по пути и города.
Эмоций положительные всплески,
Неважно что – четверг или среда.

Мне нравится любое время года:
Прекрасна осень. Радует зима.
Не страшно, что задумала погода,
Когда в душе господствует весна!

Покрасив жёлтым серую рутину,
Захочешь просыпаться и творить,
Когда поймёшь, что значит быть любимой,
И что такое преданно любить.

**ТЁТУШКА ХАНДРА ИЛИ
ДЯДЯ ОПТИМИЗМ?**

Осенний вечер. Дождь. Опять не спится.
Ноябрь мрачный правит у руля.
Смотрю в окно – знакомые всё лица:
В плаще гуляет тётушка Хандра.

Противная, назойливая тётка
Всё норовит на чай ко мне зайти.
На ключ я запираю двери плотно –
Прости, Хандра, но нам не по пути.

Чуть дальше, не смотря на зной и холод,
В зелёной куртке, как весенний лист,
Улыбчивый и, как всегда, весёлый
Гуляет добрый дядя Оптимизм.

И вот уже он с тортиком сметанным
Переступает бодро мой порог.
Хороший дядька. Хоть немного странный:
Опять свой чай и кофе приволок.

Сопровождает он меня повсюду,
Заходит в гости, как к себе домой:
То прочь прогонит бабушку Простуду,
То вновь повздорит с тётушкой Хандрой.

Сидим часами с дядей Оптимизмом,
Пьём чай, играем в карты и лото.
С товарищем таким идти по жизни
Всегда надёжно, весело, легко...

Ночь наступает. Ветер стих немного.
И надо тебе дядюшка идти.
Спокойной ночи. В добрую дорогу.
Ты только завтра снова приходи.

НЕЗНАКОМЕЦ

Идёшь себе по жизни не спеша,
Проходишь терпеливо мимо всех,
И вдруг, навстречу – светлая душа,
По виду – добрый, честный человек.

Стоишь в раздумье – нет ли шелухи?
Глядишь в глаза, читаешь по губам:
Подать ли жест протянутой руки
Или, предчувствуя, дать ходу двум ногам?

Поближе сбоку, сзади подойдёшь –
Не пахнет ли улыбочка гнильцой?
Нет, на павлина вроде не похож...
Ипустишь человека на крыльцо.

И лишь, когда минует много лет,
И сила времени изменит внешний вид –
Ты точно скажешь, что за человек
На самом деле пред тобой стоит.

ТАНЮША, СВЕТИК И МАРГО

Со спины эту троицу можно было принять за подростков переростков или уж, по крайней мере, за молодых девушек. Иному возрасту поведение их не соответствовало. Шли по аллейке, то обнявшись, то забегая одна вперёд другой, смеялись взахлёб, рассказывали, перебивая друг дружку, о чём-то, видимо, очень весёлом.

– Маргоша, а ты с дамой в зеркале не забыла попрощаться? – всхлипывала уже от долгого смеха Светик.

– Нет, конечно, мы же дамы вежливые. И с собственным отражением в незнакомом зеркале как поздоровались, так и попрощались.

Речь шла о забавном недоразумении в кафе, из которого эти трое только что вышли. Марго, приехавшая на встречу из другого города и в кафе попавшая впервые, вслед за подругами здоровалась с посетителями, не пропустив и собственное отражение в большом зеркале. Эта тема долго ещё вызывала взрывы хохота за празднично накрытым столиком на троих. У каждого нашлись похожие воспоминания. Одна из них попадала в подобную ситуацию в большом только что открывшемся магазине:

– Направляюсь к выходу, а женщина, идущая навстречу, дорогу мне загораживает, не хочет посторониться. Я направо – и она туда же, я налево – то же самое. Думаю про себя: «Ну, надо же наглая какая, хоть с виду и интеллигентная!». Когда свою оплошность поняла, вижу, как продавщицы на прилавке лежат, со смеху покатываются. Успокоили меня, мол, не я первая себя в зеркале не узнала.

– А вы не заметили, как я перед стеклянным окошком гардероба вместо зеркала пыталась причесаться сейчас? – спросила Татьяна. – Перепутала. Человек и зеркало тема очень интересная. Что-то в этом есть мистическое.

И они, переглянувшись, снова взорвались безудержным хохотом.

– Девчонки, мы как три старые дуры. На нас ещё не смотрят?

– Ну, дурами-то нас точно не сочтут, фэйс не позволит. А насчёт «старые», тоже как посмотреть. Пятьдесят пять – начало свободной жизни. По крайней мере, на кусок хлеба, пусть и без масла, мы себе заработали. Чуть что не так – ну и до свидания. Давайте за Танины пятьдесят пять, ведь за этим и собрались! Ты, Танюш, самая молодая из нас. Не кисни, я по опыту знаю, что это отнюдь не конец, – попыталась настроить всех на серьёзный лад Марго.

Их дружба длилась ровно тридцать лет, во всяком случае, именно такую цифру озвучила на юбилее подруги Светлана, самая пунктуальная из них. Может быть, потому она была так долга, что видеться удавалось от случая к случаю. Познакомились когда-то на журналистских курсах в областном центре. Прожили рядом целый месяц и, расставаясь, поняли, что каждая из них может положиться на другую, доверить свои секреты, получить моральную и интеллектуальную подпитку. Одним словом, их свело то, что называют – родная душа.

Разъехавшись по своим городам, следили друг за другом по газетным публикациям, радуясь успехам подруг и огорчаясь неудачами. Иногда переписывались. Созванивались очень редко – тогда не было ни мобильных, ни интернета. Но каждая держала другую в поле зрения, расспрашивая у случайно встреченных общих знакомых.

За тридцать долгих лет они меняли места жительства, работу, выходили замуж, разводились, опять куда-то переезжали, теряя ниточку связи на какое-то время, но потом снова разыскивали друг друга.

А в последние годы жизнь сводила их всё чаще. Двое по воле судьбы оказались жительницами одного города. У третьей то и дело случались приятные оказии, делающие возможными встречи. Да и технический прогресс делал своё дело. Пользуясь им, подруги умудрялись по интернету, например, предостеречь друг друга от опасности («прочла присланное тобою письмо от Иннокентьевича, ты с ним не общайся, он тебя разрушает; скинь-ка, если есть, его фото, попробую психологический тип вычислить»). Разделить успех («какая ты молодец, как я рада, что жизнь нас столкнула»).

(продолжение на стр. 8)

(начало на стр. 7)

Поделиться своей тревогой («нашла в Инете забавное фото, посмотри на эту старушонку с дремлющей рядом собачкой, не превращусь ли и я в такую бабу Ягу костяную ногу, выйдя на пенсию?»)...

Интернет позволял сбросить ссылку на прочитанную недавно книгу, скопировать и прислать понравившийся отрывок из неё. Светлана, неплохо разбирающаяся в живописи, скидывала репродукции картин, сопровождая их своими замечаниями. Им страшно хотелось встретиться. Только втроём, без посторонних помех, как когда-то.

Возвращаться в прошлое не всегда благо. Чаще встречи с бывшим заканчиваются разочарованием. Ты пытаешься попасть в юность, увидеть друзей такими, каких запомнил. А оказывается, они старились вместе с тобой. Того, что ты ищешь, уже не существует.

Но здесь был другой случай. Они изменились внешне: немного погрузнели тела, появились тщательно маскируемые морщинки, но не погасли глаза. И этот неудержимый смех по всякому поводу, а то и без него, в их ситуации был так естествен. Подруги узнавали друг друга через годы, словно смотрелись в зеркало прошлого. Они, по сути, не изменились. И то, что видели друг в друге нового, удивляло приятно. Одна из них, оказывается, замечательно играла на баяне и хорошо пела. Вторая вполне профессионально писала стихи, третья поражала глубиной накопленных знаний в разнообразнейших сферах.

У каждой за плечами была своя ухабистая дорога, своя непростая личная история, взрослые дети с их проблемами. Райские кущи ни одну не ждали и впереди. Но не это было важно. Им просто хорошо было вместе. И вспоминалось сейчас самое лучшее. Потому-то и слышалось радостное и бесконечное:

– Девчонки, а помните, как...

Маргарита Авинова

• Непридуманнные истории

КАТЯ

Сергей успел жениться еще до войны и у него подрастал сын, названный в честь него тоже Сергеем. Ребенок был совсем крошкой, когда отец уходил воевать, ведь он родился в декабре 1941 года.

Разлука есть разлука. Она отдаляет людей друг от друга. Многие мужчины погибли на полях сражений, а кто остался жив, пользовались большим успехом у женщин.

Находясь в одном из городов, Сергей стал встречаться с женщиной необыкновенной красоты. Не только изумительной внешностью отличалась Катя, но и была достаточно умным собеседником, с ней общаться очень интересно. Работала она в столовой, и Сергей был всегда сыт и ухожен. Его жена Александра во многом ей проигрывала. Хотя она и была работящей, старательной хозяйкой, но интеллектом не отличалась. Не говоря уже о внешности. Многие считали, что она совсем не пара красавцу Сергею.

Сергей настолько привязался к Кате, что иногда возникала мысль остаться с ней навсегда. По жене, которая терпеливо ждала его с фронта, он не тосковал. Его сердце было занято другой женщиной.

А вот о матери он вспоминал постоянно. Сергей был дитя любви, внебрачным единственным сыном у мамы. Они самозабвенно любили друг друга. Именно это и сыграло свою роль. Сергей хотел как можно скорее увидеть маму.

Прощаться с любимой женщиной было нелегко. Тем более, на свет появился их общий сын Володя, который потом, к сожалению, умер. Сестра Кати сказала в сердцах на прощание Сергею: «Все-таки уезжаешь! Не увидишь ты жизни, Сергей».

– Я ее действительно и не увидел, – вспоминал спустя многие годы Сергей. – Жили мы очень бедно. Детей было много, и не всегда они меня радовали. Родня моей Александры не пришлась мне по душе. А Катю я любил всю жизнь. Она постоянно приходила ко мне во сны такая красивая, радостная. Я не уверен, что она жива до сих пор, потому что в последнее время она мне перестала сниться.

Но перед самой смертью, корчась от боли, Сергей постоянно звал Катю, чем очень раздражал свою Александру.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Только танец

Пётр Бобунов

В медленном танце,
в медленном танце
близость дыханья
и чувственность пальцев,
локон у губ,
шёпот на ухо, –
пары идут
тихо по кругу.

Игорь Столяров

Всполох нот, протянутые руки,
Взгляд, кивок, – и танго чертит круг.
К небесам возносят ритмы-звуки
Тех двоих, что целым стали вдруг.
Из желаний чувственных и тайных
Сотканная, – смейся и кружись! –
На глазах у зрителей случайных
В три минуты пролетает жизнь.
Под аккорды чуткого оркестра
Будет чувство выпито до дна:
Встреча, море, зной, дыханье ветра,
Взрыв страстей!.. А дальше – тишина.
Словно в сердце яростное пламя,
Не сдержат в объятьях волшебство.
И двоим останется на память
Только танец. Больше ничего...

Маргарита Петрова

Меня пригласить вы посмели на танец,
Ах, как ненадолго вы просите руку.
Четыре минуты – а после разлука?
Быстрее кружите, пока не устанем.

О нас без того уже всюду судачат.
Я пятками чувствую взгляды косые,
Не спрячешь за туфелькой души босые.
Защиты прошу у судьбы и удачи.

Взлетаем у всех на виду, обмирая.
Грешны и безвинны, такое бывает.
И нежен, и страстен, и так вызывающ
Нам танец покажется адом и раем.

Галина Андреевко

Безуспешно снег состязался с дождем,
Забелить попытавшись осеннюю слякоть.
Так и ты стать напрасно пытался вождем.
Ты – ведомый. Не вождь. Не перила, а закуть –
Для тебя. Ты не можешь с собой повести.

Ты не знаешь – куда, и зачем, и как долго.
Не смотри на меня по собачьи. Не лъсти.
Есть примета – к несчастью стекло на осколки.
Ты разбился. Не смог по ступенькам идти,
За протянутый трос удержаться не в силах.
Высоты испугался. Свернул ты с пути...
Ну а я потанцую еще на перилах.

Людмила Швец

Я Вас на танец приглашаю,
И ваших глаз я вижу блеск...
Сегодня от души желаю:
Пусть вам сопутствует успех!

Люблю я танго!
Люблю я танго!
Сердце горячий перезвон...
Люблю я танго, танго, танго!
И посылаю вам поклон.

Вы обещайте этот вечер
Со мною танцевать, корнет...
А ваши пламенные речи
Я буду помнить, как завет!

Нас ждёт печальная разлука,
А вас ждёт шпага и поход...
В глаза посмотрим мы друг другу,
И до утра любовь нас ждёт!!!

Юрий Назаров

Шаг за шагом навстречу друг другу,
Пока ноги могли ещё гнуться,
Шли мужчина и женщина, чуя,
Что тела их сейчас прикоснутся.

Миг улыбки и радость желанья,
Поцелуй, вдохновляющий жить,
Два влюблённых сошлись человека,
В парке отдыха стали кружить

Вальс любви, не забытый в ненастье,
Оторвавшись от грешной земли,
Они сбросили с плеч тяжбы жизни
И обид неразумность смели.

Сколь отмерено этому счастью:
Лебединая песнь или вскрик?
Прикоснуться друг к другу губами
Нам бывает достаточен миг.

• Мы и природа

ЛЕСНАЯ ЗЕРИСОВКА

Любите ли вы лес так, как люблю его я?! Сколько радости, сколько позитива, сколько положительных эмоций дарит он людям, любящим его искренне, трепетно, по-особенному!

Он хорош в любое время года, мой добрый друг, благодарный слушатель, гостеприимный хозяин.

С огромной радостью и замиранием сердца всегда жду встречи с ним. Я знаю, он слышит и понимает меня.

"Здравствуй, лес мой любимый! Вот и снова я пришла к тебе в гости. Одари меня, пожалуйста, своими дарами, мой дорогой", – всякий раз, придя туда, обращаюсь я к своему замечательному другу. И он, я знаю точно, щедро одарит меня и ягодами, и грибами, и хорошим настроением, и душевным покоем.

– Тук-тук-тук, – приветствует тудяга-дятел.

Поднимаю голову и отвечаю: "Я тоже рада видеть тебя, дружок". И "дружок" сопровождает меня, перелетая с дерева на дерево, покуда брожу я в поисках лесных даров. Дятел на время отвлекается от своей кропотливой работы и с любопытством разглядывает меня сверху, смешно наклоняя голову и что-то "говоря" на своем птичьем языке.

– Понимаю, дружок, ты устал, отдохни», – отвечаю ему. – Тебе сверху все видно! Подскажи, где грибочки прячутся?

И, к изумлению своему, нахожу целую семейку боровичков!

Толстые белоснежные ножки и шляпки цвета крепкого кофе! Аккуратно срезаю каждый, закрывая срезы на земле мхом и прелой хвоей. Говорю "спасибо" доброй птахе и иду дальше, пополняя свою грибную тару новыми находками.

На душе легко и радостно от прекрасного теплого утра, от щебета птиц, от солнечных лучей, нитями скользящих между деревьями, от удивительного пернатого спутника, постукивающего по сухим стволам.

Ощущение безмятежного покоя, красота и прозрачность борového пейзажа рожают светлые мысли, роящиеся в голове лесной мошкаррой и, будто искорки от костра, улетающие высоко-высоко.

А, между тем, ведерки мои уже полны! Нужно выходить на мою любимую лесную дорогу, исхоженную за несколько десятков лет, бесчисленное количество раз.

Вот и она, дорога, ведущая к дому!

Присаживаюсь на обочине передохнуть, сижу минут десять. Приятная усталость сменяется удовлетворением от полных ведерок с красивыми грибочками. А мой лесной "дружок", усевшись на сосне, выбивает дробь, изредка поглядывая на меня.

Ну вот, привал окончен, и я продолжаю свой путь домой.

На кромочке леса поворачиваюсь к нему лицом и благодарю за его дары, обещая прийти еще раз. И, пожелав своему отрадному другу благополучия, беру ведерки с грибочками и выхожу на поляны перед лесом.

А вслед раздаётся прощальное тук-тук-тук.

"До новой встречи, дружок!"

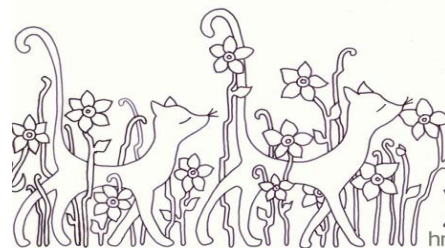
Нина Шандаевская, Андреаполь

ЗАПАХИ

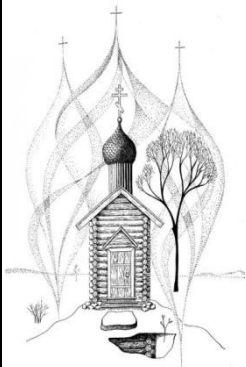
По молодости мой муж нередко ездил на рыбалку и привозил щук. Чистить рыбу я терпеть не могла, но что меня привлекало, особенно в период беременности, это запах. Однажды зимой он притаранил полмешка щук, свалил в прихожей. Я стала разбираться с уловом и сунула нос внутрь...

Боже мой! Меня от этого мешка долго не могли оттащить. Я бесконечно вдыхала этот волшебный запах. Описать словами его невозможно. Пахло глубинной студёной водой, свежестью, наверное – тиной, и ещё чем-то неопределимо чудесным – потревоженной и неразгаданной тайной. Теперь, когда чищу щуку, нет-нет да и понюхаю её. Нет, всё не то и не так...

Светлана Виноградова, Нелидово

• Притчи

Страшное оружие

В одном городе жил очень равнодушный человек. Он был настолько холоден и равнодушен, что даже настоящих друзей у него не было. Ничего его не трогало, ничто не волновало. Окружающие считали его настолько эгоистичным, что старались обходить стороной и за руку с ним не здоровались. Да и он не спешил этого делать, даже с близкими знакомыми.

Однажды сидел он на скамейке в парке, погруженный в свои мысли и тут к нему обратилась проходящая мимо усталая женщина, с тяжелыми сумками в руках:

– Извините, не могли бы вы помочь донести мне сумки до автобусной остановки?

Человек посмотрел на нее равнодушно и ответил:

– Вы лучше присядьте на минутку, отдохните, а потом и сами донесете.

Женщина поставила сумки на землю, рухнула на скамейку и, закрыв лицо руками, прошептала:

– Почему этот мир так жесток ко мне? Почему в нем столько зла? За что Бог наказал меня?

– Я не желаю тебе зла, – пожал плечами равнодушный человек. – А если ты спрашиваешь про Бога, то Он не может никому желать зла, потому что Он есть Любовь.

– Любовь? – вскричала женщина. – Может быть, но не ко мне, и не к моему ребенку!

Она указала рукой на лежащего в коляске неизлечимо больного сына. Коляску катила ее престарелая мать – она уже почти поравнялась со скамейкой, на которой сидели мужчина и женщина.

– Если это не причинённое невинному ребенку зло, – женщина почти кричала, – то что? В чем мы провинились перед Ним, почему Он это допустил? Почему проклял нас?

Равнодушный человек долго смотрел на больного ребенка, а потом тихо ответил:

– Не спрашивай у Бога «почему» он сделал это, спрашивай «для чего». Вот на этот вопрос у меня есть ответ.

Он взглянул женщине в глаза и уверенно произнес:

– Ты не проклятая, ты избранная. Тебе даровано хранить то оружие, которое однажды может ранить любое равнодушное сердце. Вместе с твоим ребенком в мир вошло Сострадание.

Равнодушный человек поднялся, слегка наклонившись пожал матери руки, поднял с земли её тяжелые сумки и понес их к автобусной остановке.

Необходимый грешник

В одном селе жил очень грешный человек. Если все старались скрыть свои грехи, то он, наоборот, старался выставить их напоказ, а иногда даже распускал о себе всяческие нелепецкие слухи. Все село молилось о спасении его души, а ему хоть бы хны – он даже в церковь не ходил.

Однажды пришел к нему близкий родственник и завел беседу:

– Ты уже не молод, тебе о своей душе пора подумать, а ты все гресишь. Сходил бы хоть в церковь, покайся.

– Не могу, – покачал головой грешник. – Я думаю о ваших душах.

– Как? – вскричал родственник.

– Вот посуды, – вздохнул грешник. – Если я приду в храм, то кто-то подумает, что вот, он такой грешник, пришел покаяться, и Бог простит все его грехи. Может и мне стоит согрешить, а потом покаяться, как и ему?

Грешник посмотрел родственнику в глаза.

– Удержишься ты от соблазна или согрешишь намеренно? – Он улыбнулся, – а так вы молитесь о моей душе, тем самым спасая свои.

Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас.

**Иван Кирпичёв,
Нелидово**

- По следам одного стихотворения

В горнице

Этот комментарий нашего земляка обнаружила на страничках «Проза.ру», заголовок, кстати, тоже авторский.

«Комментарий зануды: *И композитор, и исполнители песни «В горнице моей светло» на стихи известного поэта Николая Рубцова (1936-1971г.г.), скорее всего, не знали и не знают реальностей деревенской жизни тех лет. Лирический флёр поэтического повествования маскирует отсутствие элементарной заботы сына о матери:*

В горнице моей светло. Это от ночной звезды.

Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды.

Хлопоты по хозяйству в деревне и летом и зимой начинались и заканчивались затемно. По окончании этих хлопот матушка вынуждена ещё и ночью, а уличное освещение было далеко не в каждой деревне, идти за водой к, возможно, неблизкому колодезю или роднику. Потому что вполне здоровый сынок не удосужился сходить за водой засветло, да и сейчас не изъявляет намерения взять ведро. Матушка делает это молча, потому что ранее многократные просьбы и упрёки оказались напрасными.

Вот поэтому мне и непонятна нежная дрожь в голосе исполнителей этой песни».

Александр Мальчуков, Андреаполь

Не могла не возразить А. Мальчукову. Напомнить биографию Н. М. Рубцова автору реплики просто необходимо. Николай лишился матери летом 1942 года, отец был на фронте, и детей распределили в интернаты. В различных детских домах Рубцов и провел всё свое детство. Летом, в год смерти матери и сестры, шестилетний Николай написал своё первое стихотворение. Не это, другое. «В горнице» было написано им в 1963 году, в двадцать семь лет.

Мне всегда казалось, что ночная сказочная фантазия могла пригрезиться впечатлительному мальчику, тоскующему о доме, о маме ещё в его сиротском детстве. А уже взрослым поэт передал те детские ощущения. И эту тоску чувствуют исполнители песни и слушатели, потому она так любима. А недавно прочла отрывки из книги Н. М. Коняева «Застигнутые ночью», по сути – его дневниковые записи. В них автор, предполагающий, что Рубцов «разворачивает в стихотворении сновидение», в одной из поездок на родину Рубцова находит тому подтверждение.

Вот отрывок из неё.

«Правда, гостиницу в Вологде забронировать не удалось, но я и дёргаться не стал — остановился в Вологде у Вячеслава Белкова.

Вечером посидели на кухне. Я прочитал Вячеславу главу «Горница Николая Рубцова», где я доказываю, что прямо с первых же строк:

В горнице моей светло.

Это от ночной звезды.

— Рубцов разворачивает в своём стихотворении сновидение.

И тогда сразу обретают смысл вроде бы бессмысленные строки — ну, зачем идти матери ночью за водой, какая надобность?

Матушка возьмёт ведро.

Молча принесёт воды...

И всё упорядочивается, всё встаёт на своё место.

Разумеется, светло! Звёздный свет не высветит ни чугун с картошкой, ни табуретку. Для быта его не хватает — зато вполне достаточно для памяти, для того, чтобы увидеть в её сумерках самое главное, то, что, кажется, навсегда было позабыто. Звёзды вообще дают у Рубцова больше нужного света, чем луна или солнце. Того света, который необходим для прозрения.

(продолжение на стр.13)

(начало на стр.12)

— А ты знаешь первый вариант этого стихотворения? — спросил Вячеслав, когда я дочитал главу.

— Нет... — сказал я. — Я в архиве в основном биографические материалы смотрел...

Вячеслав сходил в комнату, принёс папку. Вынул оттуда листок и протянул мне.

— Я это сам недавно в архиве нашёл...

На листке было стихотворение «В звёздную ночь».

В горнице моей светло,

Это от ночной звезды.

Матушка возьмёт ведро,

Молча принесёт воды.

— Матушка, который час?

Что же ты уходишь прочь?

Помнишь ли, в который раз

Светит нам земная ночь?

Красные цветы мои

В садике завяли все,

Лодка на речной мели

Скоро догнёт совсем.

Сколько же в моей дали

Радостей пропало, бед?

Словно бы при мне прошли

Тысяча безвестных лет.

Словно бы я слышу звон

Вымерших пасхальных сёл...

Сон, сон, сон

Тихо затуманит всё.

Я давно уже чувствовал, что я не столько пишу эту книгу, сколько узнаю её, вчитываясь в стихи Рубцова и воспоминания о нём, разговаривая с людьми, знавшими поэта, роясь в архивах, вглядываясь в пейзажи, знакомые мне по его стихам...

Текст, который показал мне Вячеслав, подтверждал это...

— Ну, как? — спросил Вячеслав, когда я отложил листок. — Интересная находка, а?

— Ещё бы... — сказал я. — Я, конечно, не сомневался, что правильно угадал, но чтобы это ещё и подтвердилось... Потрясающе!

Вячеслав вздохнул».

А уже потом, специально разыскивая всю возможную информацию об этом стихотворении, обнаружила в книге И. Пановой «В светлой горнице» и рассказ самого Николая Рубцова друзьям о том, как он написал «Горницу»: «В лесу грибы собирал. Рыжиков тогда много было. Целый короб собирал и присел покурить у лесной сторожки. Сижу, курю, думаю о разном. На душе и грустно, и хорошо. Маму вспомнил. Лицо её совсем забыл, но вот кажется всё, что оно грустным и светлым у неё было. Тут и слова пришли».

Образ матери у Рубцова встречается так часто, как ни у кого в русской литературе. Он никогда её не забывал, постоянно возвращаясь к ней в мечтах.

Вот в такое небольшое исследование вылилось желание узнать историю написания лишь одного стихотворения любимого мною, как и многими читателями, поэта.

И несколько слов о Коняеве.

Николай Михайлович Коняев родился в 1949 году. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести Николая Коняева отмечены премией имени Василия Шукшина, премией имени Андрея Платонова, медалью св. благоверного князя Александра Невского. Живет в Санкт-Петербурге.

Не знаю, имеет ли он какое-либо отношение к династии известных тверских купцов и меценатов Коняевых (именем представителя этой ветви, А. Н. Коняева, названо одно из старейших учебных заведений России – Тверской колледж, пользующийся большой популярностью). Но мысль проверить это у меня есть.

М. Петрова

• Гости города

*В нашем городе с концертом
побывал Алексей*

Витаков (Москва) – *поэт, автор-исполнитель песен. Выпускник Литинститута им.*

А. М. Горького. Член Союза писателей. Автор шести поэтических книг. Печатался в журналах: «Москва», «Дружба народов», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Смена» и др.

Автор романа «Домой не возвращайся!».

* * *

Я родился под северным солнцем
В шестьдесят позабытом году.
Положили меня на оконце –
Отводить от деревни беду.

Я лежал на отцовой портянке
Не на улице и не в дому.
Пахли ветхие шторы землянкой,
Я не скоро узнал почему.

Помню, трещины были на раме.
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями!..
Я не скоро узнал почему.

Я лежал и распухшие десны
Тер костяшками пальцев, как мог.
Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
Коль беда обходила порог.

Облака шли в сиреновой сини
От бояновых дней на восток.
На портянке я плыл вместе с ними,
И беда обходила порог.

Пахли ветхие шторы землянкой,
Нависал чернотой потолок.
А я плыл на отцовой портянке
От бояновых дней на восток –

Над усталой землей и морями.
И бежала, бежала беда...
Как же пахло в избе сухарями...
Так пронзительно, так навсегда.

* * *

Кати каталочка, кати по холоду,
Кати, родимая, а то свихнусь.
Подайте граждане, на сон про молодость
Афганцу бывшему... Я помолюсь.

Пускай приснится та, с упругой вытачкой,
И полумраморный лица овал.
Подайте, граждане, на четвертиночку...
И мне, безногому, приснится бал.

На том балу я вальс начну накручивать
И ту, что с вытачкой, разговорю.
Подайте, граждане, почти ползучему...
И гадом буду я, коль не спою.

Кати, каталочка, по Полежаевской.
Давай, каталочка, покажем класс.
Подайте, граждане, прошу – пожалуйста,
На сон, в котором я танцую вальс.

Летят каталочки, летят по Родине.
Толкай земную крепь, рука бойца.
Подайте, граждане, своим юродивым...
Простите, что летим без бубенца.

Гитара звякает, как ждет прощения.
Толпа зашоренных не сводит глаз.
Толпа не сводит глаз от представления:
Кружит каталочка – выводит вальс.

* * *

Руки никто не подаст, коли падаешь в грязь.
И ты, сочинитель, помни: никто не отмоет...
Опять этот кто-то выводит меня на связь
Со светом потусторонним, а значит, и с тьмою.

Ну что, малышка, ты хочешь ещё стихов?
Поверь, это может закончиться очень скверно.
Всего лишь однажды случайно открыв засов,
Не сможешь забыть странный шум за ветхою дверью.

Для снобов, мещан и глупых филологинь
Поэзия лишь принадлежность к заветной касте.
Закрой эту тему, а лучше и вовсе задвинь.
Клади на неё... она не приносит счастья.

Кто ведает: стану ли я твоим?
Но, если стану, то ты будешь самой лучшей.
Со мной обходись, ну так, как с душевно больным,
Когда вдруг за мною явится сумрак созвучий.

* * *

Пахнет папа асфальтовым летом,
Поднимает меня высоко.
И светло, как от яркого света,
От его серебристых висков.

Я хочу прикоснуться рукою
К облакам, как порою во сне,
Словно знаю уже о покое
Где-то там, в неземной тишине.

Полетела за облаком шляпа,
Не успела за шляпой рука, –
И лежит со свечою мой папа,
Изголовьем ему – облака.

С той поры в каждом сне я летаю
Над резьбою знакомых крылец,
Словно кто-то меня поднимает,
Но не выше, чем в детстве отец.

С той поры путь от лета до лета
Предо мною лежит в маяках,
Только ярче не видел я света,
Чем от той седины на висках.

- Год кино

Я внука повела в трактир

Идем с внуком по Таганской, поем в два голоса:

Прибыла в Одессу банда из Амура,

В банде были урки, шулера...

И на тебе – трактир «Черная кошка».

– Петя, – говорю, – здесь и пели настоящую «Мурку».

Заходим. Спрашиваем у швейцара:

– Жеглов принимает?

– На задании, – ответил. – Может, решили познакомиться с его кабинетом?

В фойе – машина-хлебовозка, размеров внушительных. Внук проверил исправность тормозов, продул форсунки, осмотрел подвески. Спросил у швейцара, как используется машина.

– По назначению, – ответил тот, – на капоте пляшут «Мурки».

Удивлению Пети не было предела – решил проверить ступеньку на крепость.

Познакомились с вывешенной здесь же информацией о тех, кто находится в розыске. С фотографиями. Внук сказал:

– Мурка умная, она найдет.

Согласились.

Кабинет Жеглова – обеденный зал – тесноват, но зато много закутков. Петя решил, что здесь можно играть в прятки. Больше всего внука заинтересовали телефоны. Звонил на Петровку, Шарাপову, Мурке...

Все «на делах».

Кроме телефонов здесь обнаружили фотокамеры, печатные машинки, часы, старые фото, патефон, с пластинок которого в зал неслись то сводки, которые сообщались по радио тех времён (например, об успехе в уборке урожая), то песня о Марусе. Одним словом, погружение в конкретное время и обстановку было полным.

Вот только пришлось обойтись без Жеглова: объяснить ребёнку, зачем столько необычных вещей собраны в одном месте. Спасибо официантам, помогли. А ещё они принесли суп с фрикадельками, рыбу по-пиратски, и пирожное-мороженое.

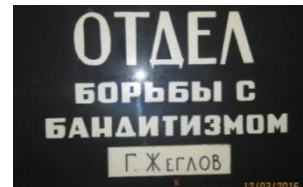
Когда мы уходили из трактира, швейцар пообещал Пете сообщить, когда будет принимать Жеглов. А на прощанье разрешил Петиной маме сыграть на пианино «Мурку».

Александра Хребтова, Андреаполь (временно – Москва).

От редакции: А теперь по всем правилам детективного жанра – небольшое разоблачение в финале. Конечно же, мама с бабушкой (она главная смутьянка и закоперщица) привели сюда Петю специально, заранее зная, что идут в кафе, где всё посвящено теме популярнейшего уже в течение многих лет сериала «Место встречи изменить нельзя». И уж точно целью похода в это заведение было не желание вкушать воровской романтики, а на живом примере (спасибо организаторам этого пищевого заведения за экспонаты) показать, как многосложна работа тех, кто с преступностью борется.

К тому же, нынче – год кино. И вспомнить такого гениального актёра как Владимир Высоцкий, исполняющий роль Глеба Жеглова, записавшись к его герою на прием, дело интересное и полезное. Кстати, сам фильм постоянно демонстрируется с экрана находящегося в трактире телевизора.

М. Петрова

• Улыбнись

Игорь Столяров
ЧАСТУШКИ

Приезжает к нам графиня
На грошовом РАФике,
Выпьет грогу полграфина –
И "рисует графики".

Меня тёща привечает: потчует рассольником
И нотация читает истеричным дольником.
Я дрожу, ногой качаю и рассольник в страхе ем,
И на дольник отвечаю только амфибрахийем.

Пётр Бобунов

* * *

На свиданье милой дроле
Я принёс кулёк конфет.
– Ой, от них изжога, что ли!
И кладёт себе в пакет.
Я ей торт бисквитный «Лотос»,
(Ради дроли начал печь!)
А она: «Теперь кислотность
Мне мою не уберечь!».
На прощанье в щёчку чмокнул,
Как не чмокнуть, коль кипит!
Побледнела: «Тут уж точно
Разыграется гастрит!».
Проще в дом горячий слазить,
На коня надеть вожжу,
Чем ходить мне к этой язве,
Я ж не врач, блин!!! Но хожу...

Юлия Алексеева

СУДЬБА

Когда молодкою была я,
Ты помнишь, Вань, сто лет назад,
Столкнулись мы с тобой в трамвае,
Ты ущипнул меня за зад.

Я повернулась с грозным взглядом,
А ты: «Простите, не хотел».
Уже тогда ты был, Вань, гадом
Шутить нормально не умел!

Потом столкнулись в магазине,
В день распродажи, был аврал.
Ты нёс картошки две корзины,
Уже тогда был кулинар!

Потом мы встретились в подъезде,
Было темно, ты помнишь, Вань?
Ты запевал красиво песни...
И тут навстречу хулиган.

Достал из куртки он кинжал,
А ты, Вань, спрятался за мною.
Спасибо, хоть не убежал.
Уже тогда ты был героем!

Когда тащили труп маньяка,
Ты ж видел, не хотя убила,
Ты, Вань, кричал и громко плакал.
Уже тогда ты был ранимый.

Когда мне делал предложенье,
Ты встал красиво на колени.
Был перелом, да с осложнением,
Уже тогда ты был спортсменом.

И вот, мы тридцать лет с тобою
Живём и трудимся упорно.
Моя судьба с твоей судьбою
Столкнулись, Вань, не зря. Бесспорно.

Людмила Швец
ОФФФ-ФШОРЦАМ!

(Ироничные стихи)

У нас было, что унести,
Унесли вы всё, что есть.
Нынче нету вас всех здесь,
Ну, а мы сегодня есть.

С нами вам бы рядом сесть,
Поделиться тем, что есть.
Но сегодня вы не здесь.
Были б здесь - пришлось бы сесть!

Иван Курничёв

* * *

Как много великих поэтов ушло
Со временем в дальние дали,
Не ляжет в музей их труд за стекло,
Им азбуки в детстве не дали.

А сколько не свито лавровых венков
На строчек и букв выкрутасы!
Не встретив угрюмых на вид мужиков,
Состарились в стойлах Пегасы.

Чернеют моря непролитых чернил,
Белеют пространства бумаги.
Я тоже поэта в себе не убил,
И мне не хватило отваги...

-----
*День смеха отмечают 1 апреля, но мы
приглашаем нашего читателя смеяться с нами
целый месяц. Ведь юмор продлевает жизнь.*